

УДК 94(100-87)

ББК 63.3(0)

К51

James Cleugh, Ladies of the Harem, London, 1955

Клуг Дж.

История гарема / Джеймс Клуг; перевод с английского Игоря Соколова. — М.: ИД «Комсомольская правда», 2024. — 312 с.: илл.

Все тайны гаремов в одной книге! Сотни лет слово «гарем» завораживает миллионы людей в мире, а сериалы про султанских наложниц бьют все рекорды по просмотрам. Что же скрывалось за стенами гаремов и почему они все еще существуют? Можно ли объяснить существование гаремов лишь одной полигамией? Чем был гарем на самом деле — местом заключения женщин или своеобразным социальным лифтом для его обитательниц?

Книга известного английского историка Джеймса Клуга рассказывает историю гаремов с древнейших времен и до начала XX века. Автор разбирает самые разные стороны жизни гаремов, рассматривает статус его обитателей, сравнивает гаремы разных стран, передает европейские слухи и легенды о восточных гаремах.

ISBN 978-5-4470-0738-6

© Соколов И.С., перевод с английского, 2024

© АО «Издательский дом

«Комсомольская правда», 2024

ИСТОРИЯ ГАРЕМА В КУЛЬТУРАХ НАРОДОВ МИРА

Полная и всеобъемлющая история гарема вряд ли будет когда-нибудь написана, ибо этот почтенный, освященный веками общественный институт ныне клонится к упадку даже в самых консервативных регионах, где его всегда лелеяли, но его, как прежде, так и сейчас, ревностно оберегают от каких-либо попыток исследования. В настоящее время, когда обычай держать много жен уходит в прошлое, остается лишь записывать для истории наиболее яркие эпизоды и драматические сцены из жизни гарема — печальные и веселые, серьезные и забавные. Главное, чтобы они основывались на реальных фактах, а это не так просто, когда приходится иметь дело с весьма специфической сферой жизни общества, закрытой для посторонних.

Всякий раз, когда начинаются разговоры на эту тему, будь то в кругу ученых или среди друзей, у стойки бара, представители западной цивилизации озабоченно хмурят брови или смущенно хихикают, явно пытаясь скрыть определенную долю зависти к владельцам подобных учреждений. Смеем заверить, те, кто будет читать эти страницы, еще раз познают старую истину: реальность может иногда превосходить самое смелое воображение.

ГЛАВА 1 ЛОГИКА ПОЛА И ТРАДИЦИЯ

Наши далекие обезьяноподобные предки, или «связующее звено», как их принято называть, не оставили нам ничего, кроме нескольких десятков костей и черепов, которые, с точки зрения непрофессионала, мало чем отличаются друг от друга. К тому же их обнаружили в самых различных местах Земли, таких, например, как Пекин и Южная Африка. Единственный вывод, который можно сделать после изучения этих реликтов доисторической эпохи, — это то, что по уровню интеллекта новый вид несколько превосходил шимпанзе, а в физическом развитии и ловкости немного уступал человекообразной обезьяне. Поэтому вопрос о сексуальных нормах поведения высших приматов, от которых произошел гомо сапиенс, вовсе не так прост, как может показаться первоначально, и на него нельзя ответить в двух словах. Однако прояснить его в некоторой степени можно, сделав анализ сексуального поведения человекообразных обезьян — непосредственных предшественников человека в эволюционной спирали.

Из этих созданий наиболее близким к человеку является шимпанзе, для которого типична моногамия. Самец, по крайней мере в течение определенного периода, удовлетворяется отношениями с одним партнером противоположного пола и обычно не спаривается с другими самками в присутствии этого партнера. Женскую особь такая линия поведения, похоже, также вполне удовлетворяет. Причина склонности животных, живущих на Земле, к моногамным, а не к полигамным отношениям заключается, очевидно, в их обособленном или стадном образе жизни в условиях всеобщей борьбы за выживание. Например, плотоядные животные из семейства кошачьих — львы и тигры — предпочитают охотиться как правило в одиночку. Волки составляют исключение. Однако даже они часто отбиваются от стаи. А вот травоядные,

в частности такие животные, как слоны, всевозможные буйволы, овцы, добывают пищу стадами. На размножение оказывают влияние и некоторые другие факторы, например количественное соотношение между особями обоего пола в данном месте и в данное время. Однако социальная организация особей в небольшие семьи или крупные сообщества добывателей пищи обычно указывает на их склонность к моногамным или полигамным отношениям соответственно.

В целом мужчины всегда были инстинктивными охотниками и плотоядными, прибегая к растительной пище лишь как к второстепенному суррогату. Легенда о превращении одного из мифологических героев древности в траву является неплохой иллюстрацией того факта, что на заре существования человечества это предпочтение считалось отличительной характеристикой человека. Следовательно, мы можем выдвинуть предположение, что первые представители человечества, скорее всего, вели моногамный образ половой жизни, подобно шимпанзе, а не полигамный, как у горилл. Имеющая широкое хождение идея «брутальной неразборчивости в половых связях» пещерного человека, так часто изображаемая на страницах комиксов, где тот только и делает, что бьет женщин дубиной по голове и тащит их за волосы в угол для совокупления, вряд ли соответствует фактам. Вероятнее всего, подобные заблуждения следует рассматривать как проявление подсознательного желания современного самца, который в наше время сталкивается со все большей несговорчивостью эмансипированных самок в ответ на его разумные или неразумные призывы к спариванию.

Однако по мере того как высшие человекообразные обезьяны развивались, превращаясь в дикаря или первобытного человека, моногамные отношения уступали свое место полигамным. Доказательством служат первобытные племена, которые встречаются то здесь, то там, например в Австралии и лесах Центральной Африки,

на радость ученым-антропологам, имеющим возможность вести конкретные исследования. Причина была в том, что в условиях зарождавшихся общественных отношений начали действовать другие факторы, поставившие полигамные половые отношения в более предпочтительные условия, нежели моногамные.

Во-первых, размножение человеческого вида и естественный отбор, когда выживают наиболее сильные и приспособленные, привели к тому, что риск, на который приходилось идти мужчинам, занимаясь охотой или ведя межплеменные войны, возрос многократно. Если же говорить о современных войнах, то они стали куда более кровопролитными, чем в древности, по причине выросшего народонаселения и привели к резкому увеличению смертности среди мужчин. Возникший вследствие этого дисбаланс в пользу женщин означал ввиду врожденного репродуктивного инстинкта, свойственного человеческой расе, необходимость перехода к полигамным отношениям, по крайней мере на то время, пока не будет восстановлено равновесие между полами или нечто подобное. После опустошительных великих войн XX столетия, унесших многие десятки миллионов жизней, преимущественно мужчин, в западном мире также проявляются полигамные тенденции среди мужской части населения, которая и прежде-то являлась моногамной лишь официально.

Во-вторых, зачатки медицинских и анатомических знаний, которые наши далекие предки приобретали в короткие промежутки свободного времени, остававшегося после борьбы за добывание пищи, были ограничены очень простой, но животрепещущей необходимостью поддержания численности племени или рода на должном уровне или даже возможного его увеличения. Озабоченные этими проблемами древние люди, следуя привычной и единственно доступной для них дорогой практического опыта, в конце концов, установили, что в определенные периоды жизни женщины вступление с ней в половые

отношения с целью зачатия ребенка нежелательно. Во время менструаций, беременности и последующего кормления, причем оно при отсутствии легкой пищи и молока животных могло продолжаться несколько лет, мужчины, находившиеся в стадии половой зрелости, должны были взамен своих временно недееспособных в смысле половых сношений партнерш пользоваться услугами других женщин, дабы поддерживать темпы размножения.

В-третьих, можно предположить, что в этот период у мужчин начала формироваться на подсознательном уровне примитивная техника селекции в том смысле, что для воспроизводства себе подобных они стали предпочитать не просто женщин, свободных от вышеупомянутых проблем, но тех, которые помоложе и отличаются «красотой». Последний термин в этом контексте может означать ярко выраженные черты внешности, которые автоматически вызывают и стимулируют половое влечение, такие как изгибы тела, нежная кожа, плавные округлости форм, живой, но покладистый характер и, конечно, наличие определенного темперамента. Следует отметить в данном случае, что эти особенности женского тела являлись привлекательными не только для первобытного дикаря, но остались таковыми и для цивилизованной особи мужского пола, которая в сексуальном смысле до сих пор сохранила свою примитивную суть.

Современные западные исследователи установили, что мужчины некоторых африканских народностей, например банту и сомали, похоже, абсолютно не имеют представления, каким образом в вышеупомянутом смысле одна женщина может быть более «красивой», чем другая. В языке суахили вообще нет слова, которое обозначает «привлекательная» или «симпатичная» и больше ничего. Любой мужчина, принадлежащий к такому племени, всегда предпочтет невесту или наложницу, которая будет обладать некоторыми ценными для него качествами, то есть молодостью, силой, трудолюбием и покладистым нравом, однако, с точки зрения представителя западной культуры,

ее внешность может оказаться безобразной. В любом случае внешние данные в западном понимании для африканца, в отличие от европейца, не будут оказывать определяющего влияния при выборе партнерши для совместного проживания.

Однако антропологи чрезвычайно редко разделяют мнения менее цивилизованных людей относительно того, какие качества женщины стимулируют половое влечение. Вообще-то даже западные сексологи не часто приходят к общему согласию, когда обсуждают эту тему. Суть дела состоит в том, что чем ближе человек живет к природе, тем больше внимания он должен обращать на очевидные физические различия между полами, созданные природой с неизменной целью обеспечить постоянное размножение вида. Следовательно, обычный дикарь должен в обязательном порядке желать — и это подтверждается результатами наблюдений — обладательницу таких характерных черт, которые сразу же бросаются в глаза и выделяют среди соплеменниц тех, у которых эти качества проявляются в большей степени. Ни исключения из этого правила, которые мы встречаем у некоторых рас или индивидуальностей, ни собственное мнение белого человека по этому вопросу ничего не доказывают. Глаза и руки простодушных и наивных мужчин тянутся скорее к наиболее выпуклым деталям, чем к не слишком заметным соблазнам, придуманным природой для сохранения вида.

Такой средний мужчина сохраняет репродуктивную способность в течение длительного периода, значительно превосходящего время в жизни средней женщины, в течение которого она способна сохранять физическую привлекательность. Даже в нынешнем цивилизованном обществе мужчина в пожилом возрасте, которому уже исполнилось лет шестьдесят и более, может испытывать половое влечение к любой хорошенькой женщине до сорока пяти лет. А вот женщины в возрасте пятидесяти лет и более вряд ли вызовут у него какой-либо интерес. Как бы то

ни было, но он не станет предпочитать их, как он мог делать это в юности, женщинам в возрасте тридцати лет.

На фоне эволюции человечества, которую мы сейчас рассматриваем, женщины старели быстро. К тому времени, когда им исполнялось тридцать пять лет или около того, никакой мужчина не желал вступать с такой женщиной в половое сношение, если под рукой у него оказывались более молодые особи. Соответствующим образом, когда его первоначальная партнерша достигала этого возраста, ему требовалась новая женщина, чтобы удовлетворить как свое собственное инстинктивное стремление к воспроизводству, так и экономический императив племени, тесно сплетенные слепой производящей силой природы.

В-четвертых, очень сильная внутренняя потребность, которая диктует вступать в половые сношения как можно чаще и в течение как можно более продолжительного времени, притупляет в такой период ценный в экономическом плане сексуальный позыв, поскольку получение регулярного удовлетворения с одной и той же партнершей становится слишком знакомым и обыденным процессом. Мужчина обнаруживает, что у него рождаются не только дети от этой женщины, но и появляется пренебрежение к ней, которое переходит в презрение. Неизбежно возникает желание к разнообразию и новизне. Оно приводит к полигамным отношениям даже в том случае, если причины, о которых уже говорилось, отсутствуют.

В-пятых, на этой стадии уже могут дать знать о себе такие два очень важных свойства человеческой природы, как личная гордость и честолюбие. Во всяком случае, они не чужды и первобытному дикарю с примитивными запросами. Ибо оба этих чувства возникают совершенно естественно из выгод, следуемых за материальными успехами, которые могут быть совершенно случайными в такое время и в таком месте, как это часто бывало на практике. И помимо всего прочего, следует указать на то

обстоятельство, что зачатки тщеславия и собственнического инстинкта можно наблюдать при ухаживании самцов за самками у одних видов животных и в тенденции к накоплению у других.

В первых ячейках человеческого общества, возникавших совершенно стихийно, зачатие как можно большего количества детей, в особенности сыновей, играло огромную роль, поскольку этот путь вел к сравнительно быстрому накоплению собственности, разумеется в примитивных формах, и позволял выделиться в массе своих соплеменников, то есть приобрести большее влияние, или, попросту говоря, возможность диктовать им свою волю. Естественно, наличие одной жены — моногамия — резко ограничивало возможности амбициозного дикаря, и потому он стремился обзавестись огромной семьей, видя в ней основную предпосылку успеха. У некоторых племен сыновья не только были воинами, но и работали, а дочери, помимо занятий типично женскими видами трудовой деятельности, как, например, растениеводство, приносили еще доход в виде выкупа за невесту. Другие мужчины испытывали зависть к человеку, занявшему такое положение в роду или племени, и старались повторить его успех, следуя тем же путем, каковым на данном уровне развития общества являлась полигамия.

Существовала и еще одна причина, обусловившая возникновение полигамных отношений. Характерной особенностью жизни в первобытную эпоху был высокий процент смертности не только среди мужчин, значительное количество которых погибало на охоте или в межплеменных конфликтах в расцвете своих половых производительных сил, но и среди детей, по вполне очевидным причинам умиравших в младенчестве. Рождаемость оставалась на низком уровне по тем же причинам: несоблюдение элементарных правил гигиены, невежество, основывавшееся на предрассудках, озабоченность другими проблемами, простая беспечность и бессознательная жестокость неразвитых умов.

Общая картина полигамных отношений, формировавшихся на раннем этапе развития человечества, везде, где возникали эти первые зародыши общества, выглядит достаточно полной с учетом вышеупомянутых соображений. Однако некоторые факторы, в равной степени характерные для рудиментарных обществ, сдерживали распространение этого обычая, сделав полигамию привилегией немногих. В те суровые дни уже сложилась непреложная схема отношений, которая оставалась неизменной при любом типе «социализма» или «коммунизма», когда-либо существовавшем на нашей планете. И даже если форма социологического и политического контроля менялась на противоположную, это никак не влияло на суть данной схемы. Бедняки или неимущие всегда составляли и по сей день составляют плохо организованное большинство той или иной народности или нации, а богатые или имущие — малочисленное, но хорошо организованное общество. Конкретный смысл терминов «бедный» и «богатый» менялся время от времени и от места к месту. Например, в наши дни, с точки зрения индийского крестьянина, американский издольщик является вполне состоятельным человеком. Однако сам издольщик считает себя нищим по сравнению с любым своим соотечественником, занимающимся каким бы то ни было бизнесом. И даже в том земном рае, каким являются сейчас Соединенные Штаты Америки, большинство населения считает себя «бедняками», в то время как граждане любой другой страны придерживаются на этот счет противоположного мнения.

В джунглях первобытного общества так же, как и в современных городах нашего мира, наслаждение в полной мере всеми благами полигамии и всеми материальными благами являлось прерогативой сравнительно богатого человека. Поэтому на протяжении всей этой книги, посвященной главным образом «стреноженным», если можно так выразиться, обитательницам гаремов, мы будем иметь дело с институтом, владение которым является

таким же признаком процветания, как обладание перво-классной конюшней на ипподроме или трансатланти-ческой паровой линией, и оба этих термина получают должное объяснение.

Этот вопрос необходимо прояснить, дабы избежать не-нужных двусмысленных толкований. Не то что бедняк, но даже человек, принадлежавший к «среднему классу», в ка-кую бы эпоху и в каком бы месте он ни жил, то ли в до-исторические, то ли в исторические времена, в любой точке нашей планеты никогда не смог бы владеть «гаре-мом» в современном англосаксонском толковании это-го слова — как здания, в котором он держал бы с полдю-жины или хотя бы трех-четырех молодых женщин для ублажения своего тщеславия и физических прихотей. Люди, принадлежащие к верхушке общества, всегда и вез-де жили в иной категории социальных измерений. Но это уже другая история, которая будет изложена в том месте, какое ей диктует логика повествования. Пока что все, что необходимо понять и запомнить, сводится к следующему: утверждение, что первобытный человек всегда стремил-ся иметь «гарем», безусловно, соответствует истине, одна-ко истиной является и то, что обзавестись таковым было не всегда легко.

Существовали определенные условия, которые огра-ничивали распространение полигамных отношений в любом сообществе в целом до такой степени, что в нем преобладала моногамия, несмотря на то что все его муж-чины стремились к противоположному идеалу. К тако-вым следует отнести: во-первых, приблизительное чис-ленное равенство обоих полов или излишек мужчин; во-вторых, отсутствие очень состоятельных или распо-лагающих значительной властью мужчин, вследствие чего для женщин нет особой выгоды выходить замуж за уже женатого мужчину; в-третьих, это всеобщий, очень низ-кий уровень жизни, или, попросту говоря, жуткая нище-та; в-четвертых, рост социального статуса женщин, кото-рые начинают пользоваться определенным уважением,

и потому в дело включается такой фактор, как естествен-ная ревность, и, наконец, начинает развиваться тот вид исключительной страсти к одному конкретному лицу, ко-торый лишь долгое время спустя наделал столько шума в мире. Сначала это явление было характерно лишь для немногих племен и могло существовать на заре человече-ства не только у первобытных людей, но и у определенных видов животных и птиц, у которых эта страсть продолжа-ет проявляться. Время от времени она наблюдается даже у самых примитивных племен, которые еще обитают в да-леких уголках Земли и доступны нашему наблюдению.

Эти обстоятельства, противодействующие развитию полигамии, не единственные. Сюда можно еще отнести и искусственные, и иррациональные правила, ограни-чивающие браки, которые рассматриваются как крово-смесительные. В свое время эти правила были настолько запутанными и всеобъемлющими, что стали препятство-вать нормальному росту общества, а стало быть, его про-цветанию. Во всех случаях своим появлением эти прави-ла обязаны ошибочным представлениям о генетике.

И все же все факторы, свидетельствующие против по-лигамных отношений, при ближайшем рассмотрении оказываются малозначимыми в сравнении с факторами, говорящими в их пользу. Условия, в которых существова-ло человечество до того, как начала формироваться со-временная христианская Европа, были таковы, что муж-чины умирали гораздо раньше и чаще, чем женщины. И даже в наши дни средний житель — мужчина цивили-зованного Запада — вряд ли может рассчитывать на то, что ему удастся прожить столь же долго, как, например, его сестре. Что же до нехватки богатых мужчин, то в ка-честве контраргумента можно указать, что с тех пор, как закончилась доисторическая эпоха, в мире существовало весьма немного по-настоящему эгалитарных обществ, да и те поражали своими относительно крошечными разме-рами. Неизбежно напрашивается вывод: если сообщество людей вступает в достаточно устойчивую фазу своего

существования, которую можно определить как процветание, в нем должно происходить имущественное расслоение. Все его члены не могут быть настолько бедны, чтобы они могли позволить себе иметь только одну жену. И хотя в наши дни в свете новых научных данных невозможно согласиться с тезисом Джона Стюарта Милля, гласящим, что женщины всегда жили в состоянии подчинения мужчине, поскольку иногда дело обстояло совсем наоборот даже в очень давние времена, также невозможно не признать тот факт, что на стадии развития общества, характеризующейся низкой организованностью, простая физическая слабость женщин по сравнению с мужчинами обычно приводила к тому, что к ним относились как к игрушкам и рабыням, пока они были молоды. Когда же процесс старения брал свое и женщины утрачивали свои привлекательные черты, они приобретали статус исключительно рабынь. Разумеется, это происходило до наступления матриархата.

Что же до тенденции, которая была характерна для человеческих существ на любой стадии эволюции, за исключением самой ранней, и заключалась в том, что они удовлетворялись общением с одним партнером, то в отсутствие магических или религиозных, в конечном счете моральных табу в действие вступали мощные сдерживающие факторы, о которых уже упоминалось выше. Они не давали развиваться этой наклонности, в существовании которой не приходится сомневаться. Относительно табу, которые затем появились, следует сказать, что в целом они не обладали серьезной запрещающей силой по крайней мере до сравнительно недавнего времени.

До того как появились и начали действовать такие условия, полигамные отношения обладали чрезвычайной привлекательностью для представителей обоих полов по причинам практического и личного характера. Обычай верности одной жене зачастую ведет к формированию у мужа такого качества, как раболепие. Это объясняется тем, что женщины по своей природе всегда готовы

обратить в свою пользу безрассудство страсти, которую испытывают к ним мужчины, а последние по своей природе с большой неохотой вступают в споры с упрямыми и иррационально мыслящими женщинами, которых они домогаются так сильно в других отношениях, что не могут им долго сопротивляться. Правление женщин на этой зачаточной стадии племенной жизни страдало бы серьезными недостатками как с точки зрения организационного построения семьи, так и в других сферах. Известны многие случаи, когда значительное закулисное влияние женщин или их прямое вмешательство в управление страной приводило к губительным последствиям. Это относится прежде всего к гаремам Османской империи и Французского королевства. Достаточно вспомнить Хафсу, жену Селима I, прозванного Грозным, или знаменитую Роксолану, любимую жену Сулеймана II Великолепного. В результате происков первой султанский трон не достался законному престолонаследнику Ахмеду, а прежний султан Баязид II, уступив власть мужу Хафсы, был через месяц отравлен. Вторая же не только правила империей в отсутствие Сулеймана, который часто уходил в походы, но и оклеветала законного наследника Мустафу, сына другой жены. Будучи уверенным, что сын готовит против него заговор, Сулейман приказал удавить невинного молодого человека. В результате трон достался сыну Роксоланы Селиму II. Во Франции же политика взбалмошной и беспечной Марии-Антуанетты привела к гибели не только ее саму и ее царственного супруга Людовика XVI, но и всю французскую феодальную систему, что явилось началом великих потрясений в Европе конца XVIII — начала XIX в.

Однако и жене в конце концов надоедало общение с мужем, которого не приходилось делить с другими женщинами. В результате моногамные отношения утратили притягательность и стали рассматриваться как обуза.

Исходя из вышесказанного, будет вполне разумно предположить, что в первобытном обществе, несмотря

на всю примитивность его организации, мужчина, как правило, тяготел к полигамии в том смысле, что он обычно стремился вступать в половую близость более чем с одной женщиной. И помешать ему реализовать это стремление могли только неблагоприятные обстоятельства, о которых уже упоминалось выше, и лишь в том случае, когда они начинали играть чрезвычайно активную роль. Это не обязательно означало, что он начнет обзаводиться гаремом, однако это могло означать, что он возьмет себе еще одну жену, как только подвернется подходящая возможность. Этот вывод найдет свое подтверждение, когда мы начнем исследовать более преуспевающие сообщества на примере остатков их материальной культуры.

Например, в Халдее при раскопках одного из древнейших, обнесенных стенами поселений были обнаружены остатки жилищ, из которых явствовало, что в доме мужчины, располагавшего лишь средним достатком, для женщин были устроены отдельные покои. Ничего подобного не потребовалось бы, будь у этого человека только одна жена. Схожую историю можно увидеть, рассматривая роскошные дворцы Древнего Египта. Об этом же свидетельствуют Библия и бессмертное творение Гомера «Одиссея», древние рукописи Вавилона, Персии, Аравии, Индии и Сиамы, не говоря уже об изустных, но тем не менее дошедших до нас преданиях индейцев Перу, имевших хождение до испанского завоевания.

Во всех античных обществах гаремы в техническом смысле этого слова принадлежали состоятельным мужчинам. Это слово, которое часто используют слишком свободно, произошло от арабского «харим» (*harim*), означающего «то, что запрещено». Арабские авторы, а вслед за ними это стали делать и их коллеги из других народов, применяют этот термин как для обозначения части дома, отведенной для женщин, так и для обозначения женщин, которые там живут. «Харим» на арабском языке означает любое священное место, каким, например, в исламский период является храм в Мекке. Однако люди,

принадлежащие к англоязычным национальностям, в наши дни подразумевают под «гаремами» места обитания женщин в странах, которые могут совсем не иметь арабского населения либо быть населенными арабами лишь частично. Для выражения схожего понятия мы также используем слова «зенана», «сераль» и «пурдах».

Зенана (правильный вариант «занана», от персидского «зан» — женщина) в основном упоминается в связи с Индией. Англичане, колонизировавшие эту страну, обнаружили, что местные жители часто употребляли это слово.

Слово «сераль» (от ит. *seraglio* — огороженное место, зверинец) использовалось в качестве синонима «гарема» первыми европейцами, принявшими христианство. Это были итальянцы или греки, поселившиеся в Италии, которые навещали Левант, делая это обычно по торговой надобности. Обнаружив, что у турок женщины живут в отдельных покоях, они заинтересовались, как такие покои называются. Турки по большей части народ мало-разговорчивый, а уж если темой разговора являются их женщины, а собеседником — неверный, то и подавно. Со сдержанным достоинством турок обычно отвечал «сарай» (*sarai*). Это турецкое слово означает всего-навсего просторное здание или постройку любого типа. В сельской местности этот термин обозначал приют или постоянный двор так же, как хорошо известное слово «караван-сарай» (*caravansarai*), которое вошло в англоязычную литературу в этой форме. Итальянцы ошибочно соединили слово «сарай» со своим собственным, похожим по звучанию словом «сerrато» (*serrato*), означавшим «закрытый» или «запертый». Результатом этого словообразования стало слово «сераль» (*seraglio*), которое они употребляли, говоря о гареме.

«Пурдах» происходит от слова «пардах» (*pardab*), что на языке хинди означает занавес. Поскольку в Индии женская половина обычно отделяется от остального дома занавесом из плотной ткани или шторами, это слово

стало в конце концов употребляться для обозначения всего того, что находилось за таким пардахом.

Работая в Телло, археологи обнаружили развалины халдейского дворца, который, как предполагают, был построен в начале 3-го тысячелетия до Рождества Христова. Судя по расположению остатков стен, дворец имел три части, одну из которых ученые идентифицировали как апартаменты для женщин. Они состояли из сообщавшихся между собой комнат, расположенных вокруг открытого двора. Попасть туда можно было, лишь пройдя по узкому коридору, начинавшемуся в той части здания, которая служила, очевидно, чем-то вроде гостиной. Этот коридор имел форму бутылки, но с двумя горлышками, поэтому доступ в женские покои был так же затруднен, как вход внутрь театра или на железнодорожную платформу в современных городах, где стоят контролеры, проверяющие билеты. Через неприметную дверь в одной из боковых стен гарема можно было выйти на улицу.

Еще один античный гарем археологи нашли во дворце ассирийского царя Саргона¹, погибшего в 705 г. до н.э. Он был пристроен сбоку к главному зданию и состоял, как и халдейский дворец, из богато разукрашенного центрального двора под открытым небом, вокруг которого располагались многочисленные маленькие комнаты различных размеров. Скорее всего, они выполняли функцию женских спален. Одна из этих комнат значительно превосходила по своему размеру все остальные помещения. Можно предположить, что она предназначалась для

¹ *Саргон* — герой шумерской и аккадской легенд. В основе образа — реальный царь (XXIV в. до н.э.), основатель обширной державы в Двуречье с центром в Аккаде. Согласно аккадской легенде мать Саргона была жрицей, которой не разрешалось иметь детей. Она родила его тайно и, положив младенца в просмоленную тростниковую корзину, пустила ее по реке Евфрат. Корзину выловил водонос Акки, который и воспитал ребенка, ставшего затем садовником. Саргона полюбила богиня Иштар, которая помогла ему сделаться царем. Шумерский эпос повествует о чудесном возвышении Саргона и его спасении от ловушек, подстроенных царем Кишша Урзабобой, которому было дано знамение о гибели его царства от Саргона. (Здесь и далее примечания переводчика.)

женщины, которая в тот или иной момент пользовалась наибольшей благосклонностью Саргона. Не исключено, что в ней время от времени по тем или иным причинам жил и сам царь. В обоих концах комнаты находились платформы, которые образовывали широкие и глубокие альковы. Не совсем ясно, почему там были устроены два спальных места. Поскольку они, похоже, были совершенно идентичны, сомнительно, чтобы одно из них использовалось для какой-либо

Маска ассирийского царя Саргона

другой цели, в качестве места жертвоприношения или же имело какое-то иное религиозное предназначение. Возможно, это было обусловлено каким-то предрассудком или формой ритуала, требовавшего, чтобы в разное время спящий находился в разных местах. Существует также предположение, что монарх желал иметь запасную наложницу, ожидавшую его в готовности на втором ложе, на тот случай, если первая наложница по каким-то причинам не могла удовлетворить его желание.

Древнегреческий гарем гинайкейон (*gynaikeion*) обычно располагался в глубине зала и состоял из трех комнат, каждая из которых уступала другой по размеру. Первая комната выполняла функцию гостиной, вторая являлась общей спальней для наложниц, а третья предназначалась для прислуги. Однако гарем Одиссея на Итаке относился к более раннему типу архитектуры, который оказался более долговечным, чем обычный греческий дизайн, и типичным для восточных стран и в наши дни. Он отличается

тем, что состоит из просторного центрального помещения и меньших по размеру палат, располагающихся по его периметру.

Что за женщины жили в этих гаремах, существовавших в дохристианские, а значит, и в доисламские времена? Мы знаем, что, например, в Аравии, где мужчина мог взять себе столько жен, скольким он мог обеспечить сравнительно комфортабельные условия существования — пищу, одежду и кров, — эти многочисленные жены пользовались уважением и свободой куда большими в любом смысле этих слов, нежели потом в дни Мухаммеда, когда им пришлось жить по законам ислама. Женщины древней Аравии были искушенными в литературе, науках и даже в искусстве войны. Они наложили неизгладимый отпечаток на древнюю арабскую поэзию. В те времена они выступали не только в роли поэтов, но и как администраторы, жрицы и даже возглавляли отряды воинов на поле боя.

Те же самые черты мы находим у многих женских персонажей Ветхого Завета, таких как Юдифь, Руфь и Рахиль, которые, похоже, делали все, что им заблагорассудится, подобно любой женщине XX в., живущей в Европе или Америке. Вместе с тем совершенно очевидно, что такие уверенные в себе и достаточно независимые личности ни в коем случае не являлись единственными женами своих мужей, да и вообще могли быть простыми наложницами. Из тысячи официальных постельных партнерш героя многих легенд, третьего царя Израильско-Иудейского государства Соломона (965–928 до н.э.), семьдесят имели в своих жилах царскую кровь и потому, вне всякого сомнения, обладали независимыми взглядами на жизнь.

В Древней Персии женщины оказывали настолько огромное влияние на государственные дела, что некоторые ученые даже пришли к выводу, что фактическое, повседневное управление царством находилось в их руках. И это несмотря на то, что изоляция, в которой

они находились, была строже, чем в каком-либо другом обществе того времени. Например, мужчина не мог сидеть в присутствии своей матери без ее разрешения. Зороастр², или Заратуштра, пророк и основатель иранской религии зороастризма, который, по мнению большинства ученых, был реальным лицом и жил в X—VI вв. до н.э., выступал за предоставление женскому полу привилегий, почти неслыханных в те дни на Востоке. Мужья имели право взять вторую жену лишь в том случае, если первая оказывалась бесплодной, то есть в течение девяти лет не могла родить ребенка. Женатый мужчина не мог развестись ни с одной из своих жен. Зороастризм осуждал даже случайные любовные связи мужчин на стороне, квалифицируя их как измену и тяжкий грех.

В Вавилоне и Ассирии так же, как и в Персии той эпохи, даже женщины, принадлежавшие к среднему классу, читали и часто писали стихи, причем в Иране женщины продолжали делать это вплоть до нашего времени. Многие из них хорошо пели и играли на музыкальных инструментах. Они умели шить и стряпать. Иногда они даже занимались торговлей. Иранки наших дней в целом более добродетельны, экономны, опрятны и верны семейному очагу, чем большинство женщин в других частях мира. Их мужья и дети чуть ли не идеализируют их, причем последние зачастую видят в них истинных оракулов мудрости. Поскольку Иран является одной из самых консервативных стран и бережно хранит свои древние традиции,

² Первоначально Зороастр выступил с проповедями на родине, но не был признан своей общиной. Согласно пехлевийским источникам, он подвергся преследованиям со стороны местного правителя царюда Дурашрава и был вынужден покинуть родину. Главным в проповедях Зороастра является учение о зависимости миропорядка и торжества справедливости в мировой борьбе добра и зла от свободного выбора человека, его активного участия в этой борьбе на стороне добра. Зороастр проповедовал свою мораль — этическую триаду благих мыслей, благих слов и благих дел — и идеализировал «праведную» хозяйственную деятельность, противопоставляя ее несправедливому кочевому образу жизни. Он считался посредником между богом и людьми. Через посредство греческих ученых образ Зороастра стал достоянием европейской культуры.

вполне разумно было бы предположить, что в дни расцвета его политической и культурной мощи, до того как лидерство в этих сферах в Средиземноморье перешло к грекам, персиянки, которые унаследовали еще более древние традиции Вавилона и Ассирии, во многом были такими же, как их далекие потомки.

В связи с этим следует заметить, что греки придерживались гораздо более низкого мнения о женщинах и подвергали их беспощадным насмешкам в комедиях Аристофана³, а Платон⁴ вообще считал жен презренными созданиями.

Именно греки оказали решающее влияние на формирование того отношения к женщинам, которое доминировало в Европе до начала раннего Средневековья, когда арабы познакомили европейцев с понятием рыцарства. Однако и в наши дни этой восточной концепции приходится соперничать с цинизмом, имеющим греческие корни и столь характерным для западного менталитета, хотя на всем Американском континенте и в латинских странах Европы рыцарское отношение к женщине является мощной социальной силой и с ней приходится считаться.

Из всего вышеизложенного мы должны заключить, что до того, когда в Афинах Перикла⁵ зародилась чисто

³ *Аристофан* (ок. 446–385 до н.э.) — древнегреческий драматург, «отец комедии». Ему приписывается 44 комедии, однако 4 из них подложные. Полностью сохранилось 11 произведений, среди которых наиболее известны «Лисистрата», «Женщины на празднике Фесмофорий» и «Женщины в народном собрании». Аристофан резко критикует политику войны, социальное неравенство и идейные течения, подрывающие традиционные моральные устои афинской демократии.

⁴ *Платон* (ок. 427–347 до н.э.) — древнегреческий философ и писатель, создатель первого учения объективного идеализма. Особенно прославился как мастер диалога, в форме которого написаны все его философские сочинения, кроме «Апологии Сократа». Ученик Сократа, основал в Афинах школу.

⁵ *Перикл* (490–429 до н.э.) — крупный политический и военный деятель Древней Греции. Законодательные меры Перикла: отмена имущественного ценза, замена голосования жеребьевкой при предоставлении должностей, введение оплаты должностным лицам — способствовали расцвету афинской демократии. Благодаря ему были выдвинуты знаменитые памятники древнегреческой архитектуры: Парфенон, Пропилеи, Одеон. Умер от чумы.

мужская цивилизация, она просуществовала недолго в политическом плане, однако оказала такое поразительное духовное воздействие на всю последующую историю, что даже во времена обскурантизма в Европе Аристотель⁶ пользовался большим авторитетом в нехристианских странах. Однако до той поры можно твердо утверждать, что «рука, которая качала колыбель, правила миром».

Эту точку зрения подтверждает и бросающееся в глаза преобладание богинь и жриц в древних религиозных легендах.

Как утверждает большинство авторов, брак в доисламской Аравии не регулировался никакими правилами. Люди поступали так, как считали нужным, однако женщины могли выйти замуж, только если у них имелось приданое. Оно оставалось собственностью жены, которая могла разорвать брачные отношения, если считала, что муж ведет себя плохо и не выполняет своих обязанностей. После смерти мужа жена становилась наследницей его имущества. Сам Мухаммед, до того как стал пророком и основал ислам, взял в качестве первой жены одну из таких богатых вдов.

В античной арабской поэзии значительное внимание уделяется теме богатых и капризных женщин, не связанных постоянными узами ни с одним мужчиной. Эти женщины странствуют подобно некоронованным королевам так, как это делали в XVIII и XIX вв. некоторые знаменитые европейские актрисы, наслаждаясь жизнью и вызывая восхищение у всех, кроме своих соперниц. Однако, когда они выходили замуж, муж покрывал себя вечным позором, если не мог достойно содержать их. Причем если при этом его мать, отец или дети влачили жалкое существование на грани голодной

⁶ *Аристотель* (384–322 до н.э.) — древнегреческий философ, ученик Платона. В 335 г. он основал Ликей, или перипатетическую школу. Воспитатель Александра Македонского. Сочинения Аристотеля охватывают все отрасли тогдашнего знания.

смерти, то это не вызывало никакого порицания со стороны общества.

Следует признать, что в целом положение женщин было вовсе не таким завидным, каким могло показаться постороннему наблюдателю. Однако это касалось семей с относительно низкими доходами, в которых рождение дочери рассматривалось в лучшем случае как досадная неприятность, а в худшем — как бедствие. Случалось, что отчаявшийся отец убивал новорожденную дочь, едва та успевала оставить лоно матери. Однако арабы, безусловно, прекратили бы свое существование как нация задолго до появления Мухаммеда и зарождения ислама, если бы такое преследование женщин было повсеместной практикой.

В действительности женщины из высших слоев общества в доисламском арабском мире играли чрезвычайно важную роль в жизни нации, и это дает основания утверждать, что они нередко несли ответственность за кардинальные политические решения, и даже войны развязывались иногда по их прихоти. И в немалой степени именно их влиянию обязана своим подъемом арабская литература, в особенности поэзия, расцвет которой продолжался до первой четверти VII в. Во времена ислама она так и не смогла достигнуть подобных высот, тем более что на первых порах Мухаммед и его последователи с религиозным рвением выступали против поэзии как привычной формы выражения племенной языческой идеологии. Язык древней доисламской поэзии поражает прежде всего колоссальным запасом слов, разработанностью форм и гибкостью синтаксических оборотов.

Наибольшим признанием среди поэтесс пользовалась аль-Хамса. Уважение к рафинированности мысли и чувства, присущей творчеству арабских поэтесс, существовало в течение долгого времени и после смерти Мухаммеда; и после завоевания арабами Испании оказало глубокое воздействие на европейское общество того времени, отличавшееся гораздо более грубыми нравами. Последняя

жена самого пророка, Айша, которая намного пережила своего мужа, стала одной из этих первых «Брунгильд»⁷ и пала на поле боя. Всю свою жизнь она активно занималась политикой и военными делами.

Разумеется, нельзя не учитывать того, что в последующие эпохи происходила определенная идеализация золотого века женщин, которые принадлежали к этим древним восточным нациям и еще не испытали на себе воздействия совершенно иных идеологий Древней Греции и Рима, ислама и христианства. Однако при всем при том никак нельзя отрицать тот факт, что определенные женщины в определенных местах в этот период мировой истории по общей оценке достигли едва ли не равенства с мужчинами во многих отношениях. Следовательно, именно здесь, а не в христианской Европе мы должны искать корни того уважения к чисто женским качествам ума и сердца, здоровой интуиции, практической сметке, верности и состраданию, кульминацией которого явилось почитание христианами Мадонны. В более поздние периоды, когда религия перестала играть доминирующую роль, это почитание обрело форму общепринятых норм учтивости и вежливости в отношениях с женщинами.

Тем не менее большинство героинь Античности жило в обычных условиях строго охранявшихся гаремов. Ибо само уважение, которое оказывали им мужчины, достаточно чувствительные, чтобы ценить их за иные качества, помимо привлекательной внешности, делало личность женщины самоценной, нуждавшейся в защите от невежества. Их требовалось защищать от посягательств любого рода. Однако если дело касалось искушения плотью, куда

⁷ *Брунгильда* (правильнее Брюнхильд, или Брюнхильда) — героиня германско-скандинавского эпоса, богатырша. В немецкой «Песни о нибелунгах» Брунгильда — дева-воительница, правительница сказочной страны Исландии, где проходят героические испытания, предшествующие ее браку с Гунтером. После раскрытия обмана и убийства ее возлюбленного Зигфрида она исчезает из повествования. В скандинавской «Саге о Вельсунгах» Брунгильда покончила с собой, приказав положить ее на погребальный костер рядом с костром, на котором лежит ее возлюбленный.

более сильного, чем взятки или ненависть, даже восточный деспот, не говоря уже о простом купце или военном вожде, не всегда мог доверять своим подданным, слугам и последователям, а также личным друзьям или родственникам, пусть даже они отличались лояльностью, безупречной во всех других отношениях.

Исходя из этого соображения владелец гарема должен был позаботиться о надежной охране. Однако тут же сразу возникала проблема, гораздо позднее сформулированная Ювеналом⁸: «А кто же будет охранять самих охранников?»

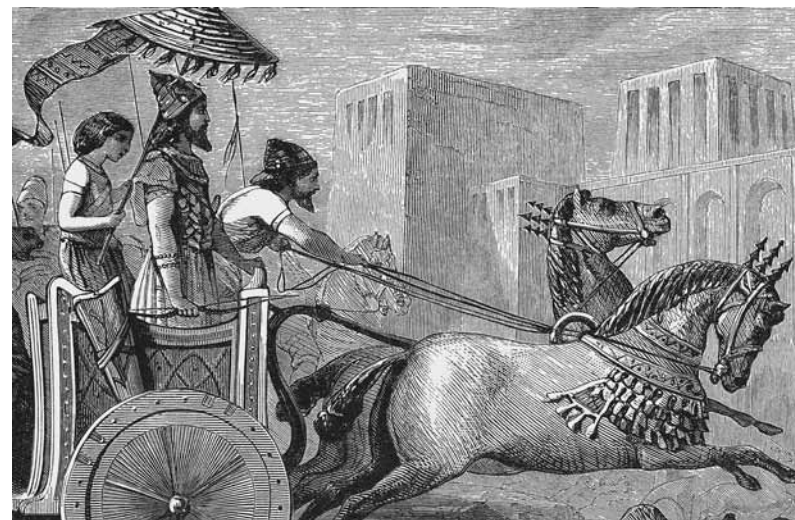
Как можно было гарантировать, что они не поддадутся плотским желаниям и не вступят в тайные половые сношения с обитательницами гарема? Ведь у них для этого будут все возможности, а женщины всегда испытывают естественный интерес к тем, кто защищает их. Ответ напрашивался только один. Требовалось сделать так, чтобы охранники гарема физически не могли насладиться прелестями женского тела.

Первый документированный случай использования евнухов для охраны гарема встречается в описании Ксенофонтом⁹ дворцового быта персидского царя Кира¹⁰. Это описание относится ко времени завоевания Киrom Вавилона в 539 г. до н.э. Однако, скорее всего, такая практика была распространена тогда во всем цивилизованном

⁸ Ювенал Децим Юний (60–127) — римский поэт, автор сатир, в которых обличал пороки своего времени, правдиво и резко изображал теневые стороны жизни большого города. В Средние века Ювенал благодаря своей моралистической строгости был одним из самых читаемых авторов. Многие из его четко сформулированных стихов стали ныне часто употребляемыми сентенциями: «В здоровом теле здоровый дух».

⁹ Ксенофонт Афинский (род. 430–425, ум. после 355 до н.э.) — историк и писатель, ученик Сократа, не проявивший глубокого интереса к философии. Симпатизировал Спарте, враждовавшей с Афинами, и даже участвовал в боевых действиях против союзных Афинам Фив на стороне спартанского царя Агесилая, за что был приговорен в Афинах к изгнанию. Основные исторические труды — «Анабасис» и «Греческая история».

¹⁰ Кир II Великий царствовал с 558 по 529 г. до н.э., основал персидскую державу, захватил Мидию, Лидию и Вавилонию. Согласно античной традиции Кир II был смел, добр и терпим к покоренным народам. Он освободил иудеев из вавилонского плена, восстановил Иерусалим. В сочинении «Воспитание Кира» Ксенофонт представил его идеальным правителем.

Царь Кир II едет на колеснице со своей рабыней

мире. Совершенно точно известно, что в Китае она существовала задолго до падения Вавилона.

Задолго до царствования Кира II в Персии появился обычай кастрировать пленников, захваченных в битвах, для использования их в качестве охранников гаремов. Похоже, что родоначальниками этого обычая были самые первые персидские цари, желавшие обеспечить целомудрие своих наложниц и избежать порчи династической родословной.

Кир заметил, пишет Ксенофонт, что «евнухи были равнодушны к любым семейным привязанностям, и потому он подумал, что более всего они будут уважать и ценить тех, кто имел наибольшие возможности к щедрому их вознаграждению и мог защитить их в случае, если их кто-либо обидел, и назначить их на почетную должность, и никто, подумал он (Кир), не мог превзойти его в раздаче милостей подобного рода. Кроме того, поскольку евнухи были предметом презрения и насмешек со стороны всех остальных обычных людей, уже по этой одной причине они нуждались в хозяине, который был бы

их покровителем. Ибо нет такого человека, который бы не подумал, что ему принадлежит право помыкать евнухом при каждой возможности сделать это, если только ему в этом не помешает тот, кто располагает высшей властью. Однако нет причин, по которым даже евнух не мог превзойти всех других в верности своему хозяину. Однако он не считал, как многие, возможно, были склонны полагать, что евнухи являются слабыми существами. И он вывел это заключение также на примере других животных. Например, норовистые жеребцы, будучи холостыми, перестают кусаться и вставать на дыбы, это уж точно, однако, несмотря на это, они не теряют своей пригодности для службы на войне. И быки, когда их кастрируют, во многом утрачивают свой гордый дух и непокорность, однако их сила или рабочие способности от этого не становятся хуже. И точно так же псы, когда их кастрируют, перестают убежать от своих хозяев, но тем не менее также пригодны для сторожевой службы и охоты.

Также и мужчины, если с ними поступили подобным образом, становились более кроткими, будучи лишеными этого желания, но проявляли не менее заботы и тщания о том, что им доверялось. Они ни в коей мере не становятся менее ловкими всадниками, или менее искусными копейщиками, или менее честолюбивыми мужчинами. Напротив, как на войне, так и на охоте они показывают, что в их душах все еще сохраняется дух соперничества. А что до их верности, то лучшим ее доказательством является их поведение в то время, когда их хозяева попадают в бедственное положение. Ибо никто еще не служил своему хозяину в несчастье более беззаветно, чем евнухи. А если думают, и тому есть некоторое основание, что они уступают в физической силе, все же на поле боя стали делают слабых такими же сильными. Признав все эти факты, Кир отобрал евнухов на все должности при своем дворе, начиная с привратников».

Это высокое мнение великого царя о евнухах как о классе не часто находит подтверждение в других источниках.

В действительности же имеются все основания полагать, что операция, которой подвергались евнухи, оказывала отрицательное воздействие на их характеры. Разумеется, нельзя отрицать, что это правило имело много исключений. В конце концов, исследовав множество противоречивых фактов, можно прийти к заключению, что евнухи, взятые в целом, не хуже и не лучше, чем обычные человеческие существа. И если они ощущают себя обделенными счастьем, то не в большей мере, чем другие. Утерянное ими в одной сфере человеческой жизнедеятельности с лихвой компенсируется — точнее сказать, компенсировалось, так как эта порода людей вымирает, — в других сферах. На этой стадии повествования можно упомянуть о двух таких компенсациях. Первой было огромное политическое влияние, которым они пользовались благодаря доверию, оказываемому им хозяевами, как предлагает Кир. Второй компенсацией являлся тот очевидный, но чрезвычайно странный факт, что женщины, которых они охраняли, зачастую проникались к ним чувствами отнюдь не сестринскими или дочерними. Ибо, во-первых, евнухи не обязательно полностью лишались способностей испытывать сексуальное влечение и связанные с этим радости полового общения. И во-вторых, евнухи приобретали изощренные навыки по части неординарного полового общения, которое некоторые женщины предпочитают обычному сексу, поскольку лишь оно дает им возможности достигать оргазма.

Сюжет и действующие лица романа Монтескье¹¹ «Персидские письма» являются, безусловно, плодом воображения автора, однако совершенно очевидно, что он был

¹¹ *Монтескье Шарль Луи* (1689–1755) — французский писатель, публицист, философ. Являясь одним из ранних просветителей, он опирался на гуманистическое наследие Ренессанса. Славу Монтескье принес роман «Персидские письма» («Lettres persanes», 1721), написанный в форме переписки друзей-персов Узбека и Рики, приехавших во Францию. Полная иронии и тонкого остроумия сатира Монтескье разворотила все пласты французской абсолютной монархии, ее политическую жизнь, культуру, обычаи и нравы ее подданных. Писатель являлся убежденным сторонником конституционной монархии.